

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

Станислав Куняев – русский поэт, прозаик, публицист, литературный критик, главный редактор «патриотического» толстого журнала «Наш Современник». Статус **редактора**, на наш взгляд, наделяет суждения Куняева качеством **общезначимости**. Он – признанный авторитет в среде «патриотов», его тексты являются **проводниками** сложившейся и утверждаемой в консервативных журналах системы ценностей, которая в 1990-е годы носит православно-патриотический характер. Православие мыслится основой русской нации, ее духовным стержнем, основой государственности. Национальная культурная традиция утверждается в качестве ориентира, примера для подражания, а современность оценивается негативно, как несоприродная традиционному укладу жизни. Неприятие западной модели обусловило принятие антизападных позиций и привело «патриотическую» критику к **«вычитыванию»** прежде всего национального аспекта в современном искусстве. Именно национальная идея, проблема национальной идентичности определяет интерпретационный ракурс литературной критики журнала. Национальная идентичность предполагает здесь осознание своей причастности к истории России, способность к героическому служению России и русскому народу, чувство свободы от чуждого влияния Запада, осознание идеи национального единства как объединяющей, созидательной. «Наш современник» становится главной трибуной Куняева, именно здесь он публикует критические тексты, посвященные поэтам, прозаикам-деревенщикам, современной литературной ситуации. Материалом для анализа послужили статьи критика, опубликованные в период с 2004 по 2011 годы.

Наша цель – выявить особенности **литературно-критического мышления**, в частности, текстопорождения С.Куняева. **Выскажем предположение, что, освещенные авторитетностью и харизматичностью Куняева, эти особенности являются своего рода гносеологическим и ценностным ориентиром для других критиков, публикующихся на страницах журнала.**

Куняев – критик, который, осознанно выбирает прагматическую стратегию текстопорождения и коммуникации. Перед нами увлеченный, эмоциональный, профессиональный читатель, прагматическая цель которого **здать/внушить/сформировать истинную ценностную установку читателю (в этом смысле его тексты вписываются в ментативный дискУрс); «присвоить» литературные факты, означить их как «свои», убедить в последнем читателя.**

В качестве ценностных ориентиров, актуальных для С.Куняева-критика, выступают традиционные: народность, православие, патриотизм, а также кровные связи, семья, род,

преемственность поколений. Репрезентаторами их становятся в статьях критика «соцгород», «фэззушный народ», «общежитие» и сопряженное с ним понятия общности.

Механизм литературно-критического мышления Куняева несложен, его можно представить следующим образом: критик **«набрасывает» сетку актуальных ценностных значений на биографию писателя и его художественные тексты, обнаруживает соответствия либо несоответствия, что и обуславливает оценку.**

Куняев – критик **не текстоцентричный**. Для него важнее биография писателя. Определяющим является факт рождения в провинции. Для Куняева это неоспоримый знак принадлежности к русской национальной культуре, духовной укорененности. Провинция для критика – средоточие национальных ценностей, которые сохранили свою самобытность, оставшись не тронутыми городской цивилизацией и западными веяниями. Так, например, он выделяет группу «поэтов Кемеровской земли» куда входят, в частности, Сергей Донбай и Борис Бурмистров, и дает положительную оценку их творчеству: «люди, преданные поэзии, талантливые, ищущие новые слова о времени и о себе, и что особенно трогательно – открытые друг другу, радующиеся удачам каждого из своей «общаги». Истинный поэт простонародья - это тот, кто посвятил свою жизнь *непрестанному труду*, кто *не побоялся трудностей, нищеты*, кто *прошел лагеря* и познал *ссылную жизнь*. «Он такой же, как мы все, весь народ» - такая характеристика оказывается значимой для критика, и, что важно, **«вписываемой» в судьбу** художника. Так Б. Бурмистров – рабочий из Кемерово, Западно-сибирской провинции, бывший и слесарем, и бульдозеристом, и главным механиком, и зам. директором завода. Такой Бурмистров, в прошлом также ссыльный колымских лагерей, является для критика не просто «соглядатаем праздным, не свидетелем, а соучастником земной, материальной, исторической мистерии, с достоинством несущий «бремя страстей человеческих».

В связи с пониманием труда как смысла жизни в сознании критика формируется *образ поэта-праведника*. Это человек, который как должное принимает все испытания судьбы, поддерживая «аскетический быт», осознанно выбирающий «жизнь без наживы», «русско-советское бесребреничество».

Христианство для Куняева наполнено глубоким смыслом, отражающим соборность русского народа, его сплоченность. Для критика вера – это спасительная сила, которая способна сохранить сердце, уберечь его от тьмы, стужи, несчастий.

Одной из первостепенных для критика является ценность *семьи, кровных связей, преемственности*. В двух статьях Куняев упоминает пословицу «Жизнь прожить – не поле перейти» и дополняет ее следующим смыслом: именно семья помогает человеку пройти

«бескрайнее поле жизни». По мнению критика, именно благодаря «кровной связи с вечными обликами и явлениями жизни» Б. Бурмистров и Ю. Перминов перешли это поле.

В рамках той же темы кровных связей для Куняева оказывается значимым *образ Родины*, его отражение в мировоззрении и творчестве поэтов. Надо отметить, что критик болезненно воспринимал события 90-х годов, когда подорвались советские устои, и на смену им пришел, по словам критика, «всенародный раздор». В своем стремлении защитить ценностные опоры, порожденные советским временем, критик выбирает стратегию «оправдания» советского. Она явно реализуется в статье «Крупнозернистая жизнь», в которой редуцируются негативные составляющие образа Сталина, осуществляется конструирование образа **народного** вождя. Куняев разрушает мифы, связанные с постсоветским представлением о сталинской эпохе как эпохе репрессий и террора; опровергает мысль, что Сталину присуща кровожадность и мстительность, необоснованный деспотизм, утверждает, что Сталин преследовал высшие цели, проводя свою политику, он действовал во благо своего народа.

Не менее важным оказывается образ «чужого». Так, например, в статье «Пилигримы» Куняев противопоставляет двух поэтов – Бродского и Рубцова, исходя из фактов их биографии и мировоззрения. Бродский является чужим для критика по нескольким критериям: во-первых, он «не имеет отечества», не знает привязанности к родной земле. Во-вторых, ему присуще «богоборчество» и пессимистическое мироощущение. Он отмечает, что «никакого просвета в стихах Бродского нет», что ему присущ «негативный философский взгляд», «нагромождение изысканных темнот». Бродский – не поэт простонародья.

Куняев – критик не только с **устоявшейся** системой ценностей, которая выполняет функцию критериев оценки текстов, личности. Чтобы достичь своей прагматической цели, Куняев использует **стабильный** арсенал приемов убеждения. Все его приемы направлены на сокращение дистанции между читателем и поэтом; критик заставляет читателя поверить: «он (поэт) – наш, он такой же как мы».

Одним из приемов является *отсылка к литературному авторитету*, на соответствие которому «проверяется» тот или иной писатель. В частности, в статье «От мира сего» стихотворение Сергея Донбая соотносится со стихотворениями о послевоенном быте «детеныша войны», «своего» для патриотов, Игоря Шкляревского. Их роднит «хищная внимательность к деталям, к эпохальным картинам послевоенного быта, неразрывно сросшегося с бытием великого народа и великой страны». В статье «Самая жгучая связь» критик упоминает в связи с творчеством Бориса Бурмистрова «скрытую теплоту патриотизма» Льва Толстого. В заключении он делает прямую отсылку к авторитету, говоря

о литературных предпочтениях поэта: «Я знаю, что одним из самых любимых поэтов Бориса Бурмистрова является Николай Рубцов».

Отдельный прием - *отсылка к собственному опыту*. Так, анализируя творчество Юрия Перминова, Куняев заключает: «Как это все знакомо **мне**, выросшему в 30-е годы на полудеревенской окраине Калуги». В заглавиях стихотворений Сергея Донбая критик находит что-то знакомое, близкое, некогда прочувствованное. «Как это все близко и понятно мне», - пишет С. Куняев. В результате сокращается дистанция между поэтом и критиком, повторим, авторитетнейшим для «патриотов», и поэт воспринимается как духовно близкий, «свой».

Другой прием – *актуализация границы «свой»-«чужой»*. Такой прием позволяет подчеркнуть истинные качества одного писателя на фоне отсутствия их у другого. Яркий пример - статья «Пилигримы», где сопоставляются два стихотворения и, по сути, два противоположных мировоззрения - поэта без отечества Иосифа Бродского и поэта простонародья Николая Рубцова.